

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ СМЕХА В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по специальности
45.05.01. Перевод и переводоведение
очной формы обучения, группы 04001408
Денисовой Людмилы Юрьевны

Научный руководитель
канд.филол.наук, доцент,
Пупынина Е.В.

Рецензент
канд. филол. наук, доцент,
Беседина Т.В.

БЕЛГОРОД, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ	6
1.1. Номинация в лингвистике – типологический аспект	6
1.2. Глагольная номинация как языковой функционал	15
1.3. Этимологические данные о структуре глагольных номинаций	18
1.4. Классификация английских глагольных ономатопопов смеха	22
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	25
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ СМЕХА	27
2.1. Структурные особенности первичных глагольных номинаций	27
2.2. Структурная специфика значения вторичных автономных английских глагольных номинаций смеха	31
2.3. Смысловая и контекстуальная реализация смеховых явлений в речи ..	37
2.4. Анализ английских смеховых ситуаций	43
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	65
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	66

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития общества вопросы межкультурной коммуникации приобретают все более важное значение. Кросс-культурные связи охватывают весь спектр жизнедеятельности и функционирования человека как индивида и как части социальной группы. Необходимость адекватного устного и письменного перевода в рамках политических, социально-экономических и повседневных контактов является подоплекой детального исследования как культурно-этических норм и традиций поведения, так и собственно языковых средств. В связи с чем XXI век знаменуется всплеском интереса к переводоведческой науке.

Особого внимания исследователей заслуживают процессы первичной и вторичной лексической номинации явлений и понятий. Одной из таких актуальных категорий является смеховая абстрактно-понятийная глагольная группа языковых единиц. Следует отметить, что вопросами специфики номинации в германских языках в целом и в английском языке в частности занимались такие российские и зарубежные исследователи, как В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, Б. А. Серебrenников, В. Г. Гак, М. К. Рапп, А. А. Овеллок, Р. Мерингер.

В своих трудах они рассматривают как теоретические аспекты процесса номинации в языке, так и приводят практические результаты, в частности представляют выборки наиболее частотных номинационных вариантов единиц лексической системы того или иного языка, анализируют специфику существования релевантной концептосферы в целом и тематических фреймов в частности.

В своей работе мы проводим теоретический анализ трудов, посвященных вопросам номинативной функции языка как знаковой системы и как средства общения, а также приводим результаты компаративного

исследования глагольного воплощения понятия «смех» на материале современного английского языка.

Тема и актуальность исследования обусловлены недостаточной разработанностью проблемы глагольной номинации в отечественной лингвистике и отсутствием структурированного подхода к характеристике эмотивной маркированности смеха в английской лингвокультуре.

Объект исследования – глагольные номинации смеха в английском языке.

Предмет исследования – функциональные характеристики глаголов смеха.

Цель работы заключается в анализе существующих научных трудов, раскрывающих суть процесса номинации в языкознании в целом, а также в упорядочивании глагольных номинаций смеха в аспекте позитивного и негативного оценочного восприятия в рамках кросс-культурного коммуникативного акта.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать подходы к функциональному определению процесса номинации в современном английском языке;
- 2) изучить специфику лексической номинации, в частности ее глагольной формы;
- 3) рассмотреть глагольные языковые единицы описания понятия «смех» в английском языке;
- 4) охарактеризовать существующие в английском языке глаголы, раскрывающие явление смеха с позиций эмотивно-смысловой маркированности.

Методы научного исследования: частично-поисковый, компаративный, описательный, метод дистрибутивного анализа.

Материал: словарные статьи Cambridge Dictionary, Oxford Dictionary, Macmillan Dictionary, Collins English Dictionary, английская художественная литература XX-XXI века, а также отрывки из БНК (Британского национального корпуса).

Работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения и списка используемых источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

1.1. Номинация в лингвистике – типологический аспект

На данный момент вопросы ономазиологии недостаточно исследованы. Причиной этому являются сложность самого явления и его многогранность. Мало изучено проявление как общих, так и частных закономерностей номинации в отдельных языках. Исследователям необходимо будет приложить гораздо больше усилий для обнаружения истинной природы этого явления, его способов возникновения и формирования, его связи с понятием и субъектом объективной реальности. Все это делает особенно важным и актуальным изучение разнообразия наименований, способов и принципов их создания в разных системах отдельных языков.

В области лингвистических исследований важную нишу занимает теория номинации, принцип работы которой заключается в изучении формирующейся в процессе познания картины мира и ее отражения в языке.

Главной задачей теории номинации является описывание закономерностей формирования языковых номинативных единиц, изучение взаимосвязи между языковыми единицами и когнитивными структурами, которые хранят в сознании человека все знания о мире.

Согласно деятельностному подходу в теории номинации восприятие значения языковых знаков возможно только при понимании деятельности и сознания конкретных индивидов, участвующих в коммуникации.

Предметом теории номинации является исследование и описание схожих закономерностей формирования языковых единиц, взаимодействия

языка, мышления и реальности в этих процессах, роли человеческого (прагматического) фактора в выборе лежащих в основе номинации характеристик, исследование языковой техники номинации – её актов, средств и методов, построение типологии, описание ее коммуникативных и функциональных механизмов. По исходной точке исследования различают ономаσιологический подход к проблемам номинации, когда исходное отношение принимается «реалия (денотация) – смысл (сигнификат) имени», или семасиологический, когда значение имени рассматривается как способ выделения и наименования реалий.

Структура и процессы актов номинации обычно описываются на основе трехчленного соотношения («семантический треугольник») «реалия – понятие – имя», где каждая составляющая этого универсального логического отношения обогащается признаками, характерными для деления мира в данном языке.

Под «денотатом имени» подразумевается реалия как набор свойств, описанных в актах номинации у всех реалий, обозначаемых данным именем. Концепция со всеми ее категориально-языковыми признаками выступает в качестве сигнификата (смысла) имени.

Данное имя в соответствии со структурной организацией языкового кода воспринимается как отделяемый в звуковом сознании звукоряд.

Соответствие сигнификата и денота имени, а также их совместная направленность в отдельных актах номинации от смысла имени к денотируемому объекту выражения реалии – все это и обуславливает базовую структуру, которая является универсальной для естественных языков. Акты номинации являются продуктом речевой деятельности, а их результаты формируются системой языковых, функциональных и социальных норм языка.

Результаты номинации – это строительный материал для предложения. В процессах номинации языковые сущности адаптируются к распознаванию элементов действительности или же обнаружению их признаков. На данный момент теория номинации небезосновательна. Она включает в себя разработки отдельно взятых областей ономазиологии как особых сфер лингвистической науки, основываясь на формировании и специализации определённого категориального аппарата. Но в связи с тем, что исследователи зачастую неоднозначно интерпретируют лингвистические термины, в процессе решения теоретических задач появляются некоторые несоответствия.

Последующее исследование задач теории номинации должно стандартизировать существующую терминологию, опираясь на единый язык лингвистики. Представляется, что это создаст целостную, стандартизированную теорию номинации.

Мотивация, предшествующая номинации, представляет собой условие акта именованя предметов и явлений действительности, где термин «мотив» обозначает знак, который лег в основу имени.

Исключительным феноменом в жизни человека является смех. Вследствие этого, одна лишь лингвистическая сфера не может покрывать изучение данного феномена целиком, изучение природы смеха необходимо осуществлять в сфере различных научных дисциплин. Данное исследование как раз фокусируется на главных аспектах различных теорий смеха, а также обобщаются полученные знания из различных областей научных дисциплин. Исследование феномена смеха затрагивает такие научные дисциплины как: психология, лингвистика, философия, социология, также он не обходит стороной физиологию и медицину. Что касается психологии, то психологи обычно рассматривают смех в качестве когнитивного/эмоционального феномена (M. LaFrance, S. Attardo, R. Martin и т.д.). С точки зрения социологов, феномен смеха напрямую связан с социальными и культурными

факторами (А.В. Дмитриев, А.А. Сычев, А.Г. Козинцев, среди зарубежных социологов – W. Martineau, Ch. Powell, T.R. Shultz и т.д.). Исследователи же в области лингвистики в первую очередь уделяют внимание текстовому содержанию вызывающей смех шутки, и что немаловажно – номинации смеха в тексте (Б.А. Булгарова, Ю.А. Кузнецов, Е.А. Русина, а также S. Attardo, U. Gunter, M. LaFrance и т.д.).

Отсюда можно сделать вывод, что у каждой научной дисциплины свой собственный подход к исследованию природы смеха. Во многих отношениях, однако, результаты исследований различных областей науки имеют схожие данные, тем самым дополняя друг друга, что и служит причиной возникновения «синергетического эффекта» в науке. Многогранность природы смеха и все трудности, связанные с его изучением, не раз подтверждались исследователями. По их мнению, это связано с «межпредметностью данного вопроса, его нахождение на стыке лингвистики с другими науками, такими как психология, философия и др.». «Смех представляет собой феномен, исследование которого необходимо проводить в разных аспектах, в том числе в контексте социального поведения человека, основанного на коммуникации» (Кузнецов, 2005: 12).

На данном этапе развития большое количество наук придерживаются антропоцентрического подхода, их исследовательское направление пересекается и поглощается другими науками (Кравченко, 2001: 136), такими как нейролингвистика, социобиология, биосемантика и др.

На данный момент «телесный» подход к языку и познанию становится все более востребованным в лингвистике. В конце 1980-1990-х годов в языкознании произошел невероятный методологический сдвиг, который был охарактеризован как «смена базисной проблематики и переход от лингвистики «имманентной» с ее установкой рассматривать «язык в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением,

духовно-практической деятельностью» (Постовалова, 1988: 8). Отсюда вытекает, что знание, которое получает человек, также, как и сам процесс познания – неоднородны и функционируют при помощи чувственного, равно как и рационального начал в человеке (Комарова, 2007: 165). На сегодняшний день телесная когнитивная наука является собой цельный образ всей когнитивной науки. По мнению исследователей данной области, если ум человека изолирован от организма и его телесности, то понять принцип работы человеческого ума, а также когнитивные функции интеллекта человека не представляется возможным (Комарова, 2007: 165). Существует также огромное количество научных работ в сфере синтеза лингвистики и телесной науки, среди которых работы А.А. Залевской (1998, 1999, 2014), А.В. Кравченко (2001), Т.М. Рогожниковой (1988, 2000), З.З. Чанышевой (2014), Н. Ruthrof (1997, 2000), Ф. Pulvermuller (2005). Результаты исследований свидетельствуют о том, что тело и разум человека находятся в постоянном взаимодействии. Этот факт также подтверждал И.М. Сеченов ссылаясь на то, что ранее сложилось ошибочное мнение насчет разрозненности телесной и духовной жизни человека ввиду недостаточных знаний в области физиологии (Карасева, 2007: 4).

Такой синтез подарил науке новые направления, такие как психосемантика, психосемиотика телесности, а также корпоральная семантика. Уже с 1980-х годов особое значение телесности уделялось именно в области когнитивной лингвистики, психосемантики и конечно же психолингвистики (Величковский, 2006: 116). Также конец 80-х годов ознаменовался работой У. Матураны «Биология языка», где автор по-новому смотрит на язык и на процесс познания в целом. Автор считает, что процесс познания – это далеко не средство познания объективной действительности, оно скорее предназначено для приспособления к опытному миру конкретного организма (Кравченко, 2001: 163). Также в вышеуказанной работе объясняется тот факт, что язык состоит из слов, имеющих

денотативное значение, где единицы речи обозначают сущности без учета области существования этих самых единиц (Кравченко, 2001: 166, 169). Согласно исследованию А.В. Кравченко, такое толкование принадлежит к альтернативной когнитивной теории, которая отличается от современной когнитивной науки своими эпистемологическими основаниями (Кравченко, 2001: 170). Однако, следует разобраться, что в пределах телесного подхода подразумевается под «значением». По мнению Ю. Джендлина «значение» происходит от «чувственного смысла». Этот самый чувственный смысл невозможно выразить словами, он служит нам подпоркой при поиске нужного слова. Чувственный смысл состоит из искомого нами значения и его эмоциональной окраски, также следует упомянуть причины словесного обращения и ожидаемую реакцию на данное обращение (Джендлин, 1983: 85).

Исследования же Е.Ю. Мягковой свидетельствуют о наличии так называемого эмоционально-чувственного компонента в рамках психологической структуры значения отдельных слов; основываясь на психолингвистическом подходе, слово напрямую зависит от опыта и личных переживаний каждого человека (Мягкова).

Для А.А. Леонтьева единица речи содержит в себе несколько аспектов, а именно когнитивный инвариант (понятие); коммуникативный инвариант (система операций со знаком); чувственную окрашенность; потенциальную экспликативность (уровень эксплицирования и осознаваемости значения); смысловую окрашенность (личностный смысл); эмоциональную окрашенность (Стернин, 1979: 27). По его мнению, чувственность значения лучше всего просматривается у ребенка, овладевающего языком. Поэтому определенный компонент значения, его сопоставимость содержания и чувственности аспекта, сопоставимость субъективного содержания и наглядности, не относит данный компонент ни к когнитивному, ни к коммуникативному инварианту (Леонтьев, 2001: 42).

Интересным является тот факт, что научные понятия также могут базироваться на чувственной основе, несмотря на то, что изначально они довольно абстракты, а их концепция разворачивается при помощи других дефиниций.

Так, российский лингвист И.А. Стернин отмечает, что несмотря на то, что значению всегда придавали абстрактный характер, все же единица речи отражает чувственность предмета. Ученый пришел к такому выводу, что в семантике самого слова заложен определенный эмпирический компонент, а именно собирательный чувственно-наглядный образ, который и закреплен за данным компонентом. Эмпирический компонент, равно как и денотативный, в своих чувственных и рациональных формах отражают действительность. Следует отметить, что без эмпирического компонента часть значения слова утрачивается, так как мы её попросту не замечаем (Стернин, 1979: 100).

Первая и вторая сигнальные системы обе имеют место в эмпирическом компоненте, они находятся в постоянном взаимодействии, тем самым выделяя в слове чувственно-наглядное представление. Для примера возьмём слово «звонок» и разберемся какую реакцию оно у нас вызывает. При произнесении этого слова происходит нервное возбуждение, сперва оно ищет связь между словом и звучанием звонка, что позволяет данной связи работать. Этот процесс происходит на подсознательном уровне, поэтому в речемыслительных процессах редко удается разглядеть наглядные образы (Стернин, 1979: 95).

Лексическое содержание знака по И.А. Стернину содержит в себе четыре компонента: денотативный (предметно-логическая часть значения); коннотативный (отражение в значении условий акта общения, отношения говорящего к предмету речи или участникам акта речи); селективный (отражение в значении правил употребления знака в языке); эмпирический (обобщенное представление о референтах знака). Эмпирический компонент подразумевает под собой общее в индивидуальных представлениях, а именно

конкретные чувственные особенности предмета. Можно привести пример со словом «море», которое вызывает ассоциативный ряд в виде морской воды, золотого песка и характерного шума прибоя.

Возвращаясь к процессам формирования значения слова у ребенка, можно отметить, что Кацнельсон в своих работах утверждает, что начало самостоятельного пользования конкретным словом у ребенка происходит только лишь после неоднократного указания на обозначенный этим словом предмет. Иными словами, сознание ребенка постепенно впитывает в себя собирательный чувственный образ конкретного предмета. Данный чувственный образ в качестве эмпирического содержания предметного значения присутствует и у взрослых (Кацнельсон, 1972). К примеру, у человека ясная и четкая картинка конкретного предмета в его сознании, однако он не может выразить его с помощью языковых средств. В таком случае, человек прибегает к выражению чувственного образа предмета при помощи невербального языка жестов, тем самым пытаясь донести мысль до собеседника. Здесь мы видим важную роль реализации эмпирического компонента, он осуществляет дифференциацию предметов и являет собой основу содержания знака (Стернин, 1979: 99).

Примечательно, что между эмпирическим и экспрессивным компонентами существует значительное различие. Главной задачей экспрессивного компонента значения является усиление признаков, выраженных конкретной единицей речи. Например, слово «омерзительный» без усиления признака будет звучать как «неприятный»; слово «огромный» без преувеличения значения – «большой» (Стернин, 1979: 82).

Из вышеуказанного следует, что экспрессивный компонент – это неотъемлемая часть самого понятия слова (денотативного компонента). В своих исследованиях И. А. Стернин отмечает, что эмпирический компонент, а точнее его изучение в значении слова вызывает определенные затруднения, так как он основан на чувствах человека, следовательно, лишен фиксации

содержания и распределения на отдельные элементы. Анализ словарных дефиниций как раз представляет собой решение данной проблемы, в связи с тем, что в толковых словарях зачастую представлено словесное описание эмпирического компонента (Стернин, 1979: 104).

Говоря о наличии в значении слова эмпирического компонента, то первым признаком является остенсивное определение значения, то есть путем непосредственного показа. В свою очередь, следует отметить, что значение слова формируется не просто вербальными дефинициями, а вербально-остенсивными, роль которых заключается не только в образовании общих понятий, наряду с этим они формируют наглядное представление о конкретном предмете. Так, Д. И. Арбатский к классификации вербально-остенсивных определений относит слова, имеющие значения запаха, вкуса, цвета, звука и т.д. Например, горький – имеющий специфический, резкий вкус; красный – цвет крови, shrill (of sounds, voices) – sharp, piercing, high-pitched (Арбатский, 1973: 53).

Обращаясь к понятию собирательного чувственного образа конкретного предмета (в рамках смехового феномена) можно обнаружить, что ассоциация у человека при упоминании слова «смех» напрямую связана со звуком, который издает человек во время смеха. Следовательно, это представляет собой именно чувственный образ предмета, а значит и эмпирическое содержание значения предмета.

В нашем исследовании представляется актуальным освятить ещё один компонент значения слова, а именно внутреннюю форму. Основываясь на исследованиях А. А. Потебни, внутренняя форма поистине отражает отношение содержания мысли к сознанию, за счёт которой, благодаря направленности мысли слушателя, происходит порождение и восприятия речи, что и приравнивает внутреннюю форму к этимологическому значению (Потебня, 1989). «Поэтому, если исключить содержание слова (по-другому денотативный компонент), то в слове остается только звук, иными словами

внешняя форма и этимологическое значение, которое равносильно внутренней форме» (Потебня 1989: 129).

Таким образом, в нашем исследовании будет проводиться анализ отобранных номинаций смеха английского языка, основывающихся на таких компонентах значения как эмпирический (стилистическая маркированность), денотативный (лексический смысл), а также этимологический/внутренняя форма. Исследование будет строиться на анализе словарных статей, главной целью которого является выявление первичных и вторичных смеховых номинаций, их рассмотрение для дальнейшего распределения по составляющим компонента значения. Данный шаг позволит проследить этимологические корни номинаций смеха, время их появления и характер развития в языке; выделить основные эмпирические характеристики помимо обязательного денотативного компонента.

1.2. Глагольная номинация как языковой функционал

Номинация занимает ведущую роль в современной лингвистике. В этой работе рассматривается отбор английских номинаций смеха на основе рабочего определения смеха. В первую очередь важно введение термина номинации и его назначения в рамках определенной работы. Лингвистический Энциклопедический Словарь определяет номинацию как одно и то же название – номинация (от лат. *Nominatio* – (на)именование) – обозначает как процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительности, так и значимую языковую единицу, образованную в процессе называния (ЛЭС).

Из вышеуказанного определения можно сделать вывод, что в динамическом номинация обозначает процесс наименования, а в статическом – само наименование. В данной работе английские языковые номинации смеха являются значимыми языковыми единицами и используется в точности термин «языковые номинации», а не «речевые номинации», связь между номинантом и номинатом в которых не устойчива.

В сравнении В.Г. Гака о языковых и речевых номинациях указано, что языковые номинации являются виртуальными и используются как средство для актуальных номинаций в знаковой ситуации, когда обозначение соответствует обозначаемому объекту. Языковые номинации являются связующим звеном между номинантом и номинатом, а вот у речевых номинаций это звено неустойчиво. У языковых номинаций номинат-сигнификат – это результат условного определения мира языковой группой, в отличие от речевых номинаций, в которых номинат-денотат задается говорящему объективно (Гак, 1988: 328-334). В разных работах можно найти первичные и вторичные номинации, хотя термины могут не совпадать по содержанию в зависимости от разных лингвистов-исследователей.

В историко-сравнительном методологическом подходе, написанным С.С. Масловой-Лашанской, Г.В. Колшанским, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой и В.Н. Телия, номинация описывается как первичное языковое значение, то есть те первые слова, которыми были названы предметы изначально. Можно привести пример Адама из Библии, когда он дал имя каждому предмету в его развивающемся мире (Вардзелашвили).

В наше время эти первичные процессы номинации считаются примитивными для носителей языка и встречаются очень редко. Довольно трудно назвать первичной номинацией слова такие как солнце, вода, синий, играть, кушать, спать и др. Мы привыкли к повседневному употреблению этих слов и их первоначальное происхождение можно понять только при

проведении исторических или этимологических анализов (Лозовой, Названова, 2013: 27).

В современном языке для основания нового значения языковой единицы, вводится понятие вторичной номинации, что подразумевает фонетический облик первичной языковой единицы для нового обозначения предмета. Таким образом пополняется номинативный словарный запас в современном языке (Вардзелашвили). Номинативный инвентарь современного языка пополняется в основном за счет заимствований с другого языка или вторичных номинаций. Примерами такого вида являются новые словообразование, семантическая и синтаксическая транспозиция. В итоге носители языка воспринимают вторичную номинацию как эволюцию морфологического состава и смысла (Вардзелашвили).

В другом варианте исследования Т.В. Бульгиной, В.Г. Гака, А.А. Уфимцевой, первичная номинация рассматривается как языковое именование с помощью слов и словосочетаний. Вторичная номинация с другой стороны рассматривается как языковое значение с помощью предложений (Лозовой, Названова, 2013: 27). Такую теорию означивания рассматривал Э. Бенвенист, он также относил слова и словосочетания к первичной, а предложения – к вторичной номинации, имея ввиду означивание в разной семитологической значимости средствами языкового выражения и знакового вхождения в ту или иную систему и определенного осмысления знака в этой системе (Бенвенист, 1974: 113).

В первом варианте этой работы (С.С. Маслова-Лашанская, Г.В. Кошанский) подход кажется наиболее логичным и даже эффективным. Номинация также делится на два типа, в зависимости от характера указания имени на действительность. Первый тип – автономная номинация и второй тип – косвенная, то есть не автономная. Автономную номинацию можно объяснить на примере имени, она происходит от вторичного значения слова, в процессе самостоятельно избирает номинативный подход и называет свой

кусочек объективной реальности. Действие происходит автономно (Телия, 1990: 336-337). Например, «кожа» – 1) наружный покров тела человека или животного, 2) оболочка некоторых плодов, кожура; «крутой» – 1) отвесный, обрывистый, 2) с резким внезапным изменением направления. Таким образом, вторичные значения слов способны автономно указывать на действительность, обретая самостоятельную номинативную функцию. Разные комбинации лексических единиц и закономерности выбора приводят к новому свободному значению (Телия, 1990: 336-337). Косвенная, или не автономная номинация использует комбинаторную технику языка в процессе производства новой языковой единицы. Эта новая единица имеет косвенное соотношение со своим обозначением, а именно посредством семантически опорного для данной комбинации наименования. Например, в словосочетаниях «крутой нрав», «крутые меры» прилагательное «крутой» соотносится с обозначением «суровый», «строгий» только при посредстве опорных существительных «нрав», «меры», соответственно теряя свое значение без наличия данных слов. По мнению В.Н. Телия, «направленность на мир основных номинативных значений в принципе совпадает с первообразной номинацией, когда смысл имени непосредственно соотносится с денотируемой реалией (=денотатом)» (Телия, 1977: 144).

Основываясь на этом, возможно использование такой же аналогии с номинацией смеха и рассмотрение её как основной идеи. В словарных значениях первая дефиниция английской номинации смеха является основной и коррелирует с примитивной или первичной номинацией, в то время как последующие значения являются вторичными номинациями.

1.3. Этимологические данные о структуре глагольных номинаций

На настоящем этапе изучения английских глагольных номинаций мы произведём анализ их происхождения. Слово состоит из «целого ряда исторически напластовавшихся семантических значимостей, которые составляют его смысловую структуру в пределах данной формы знака» (Уфимцева, 1986: 83). Анализируемая номинация *laugh*, имеющая нейтральную коннотацию, характеризуется конкретными историко-этимологическими положениями: глагол *laugh* обозначает «смеяться, сказать со смехом; смеяться над кем-либо, чем-либо; подсмеиваться» и возникает в английском языке в конце первого тысячелетия. Во словарях это слово относят к протогерманскому глаголу (Proto-Germanic) *klakhjan* и староанглийским глаголам *hlæhhan* (Old English or Anglian) в значении «смеяться, радоваться» или *læhan*, *hliehhen*, *ahliehhan* (OE) в значении «смеяться над; высмеивать; ликовать, смеясь» (AHD; CED; RHD).

Например: *Ɔa his mod ahlog; mynte Ɔæt he gedælde, ærƆon dæg cwome, atol aglæca, anra gehwylces lif wið lice, Ɔa him alumpen wæs wistfylle wen* (Beowulf); *ahlog: exulted, derided, laughed (ahliehhan) – Old English (Beowulf)*. Особые когнаты присутствуют в германских языках: готск. *hlahjan*, дат. и герм. *lachen*, др.сканд. *hlæja* и др.саксон. *hlahhian*. Данный глагол видоизменяется в среднеанглийский период: *laughen* (Middle English). Первоначально используемый «твердый» звук [g] (-gh-) произносился как в шотл. *loch*; после этого произношение несколько изменилось, начал использоваться звук [f], но письменный вариант -gh- не подвергся изменению. Например: *If I coveted nowe to avenge the injuries that you have done me, I myght laughe in my slyve* (John Daus, "Sleidan's Commentaries," 1560) (OED). Номинация *laugh* была зафиксирована в письменных источниках уже в XIV веке, соответственно информации, представленной в лексикографических источниках, элемент *laugh* имеет имитативную или

природу возникновения (AHD; OED). Таким образом, логичным будет причислить его к ономатопеичной глагольной лексике.

Глагольная номинация *chortle* («фыркать от смеха», «хихикать», «сдавленно смеяться») появилась благодаря английскому писателю Льюису Кэрроллу, ведь именно в своём произведении «Алиса в Зазеркалье», он первым использует приведённую в пример выше глагольную номинацию смеха: “O frabjous day! Calloh! Callay!” – he chortled in his joy (Carroll). Многие исследователи полагают, что конкретная номинация была образована путём слияния двух глаголов: *chuckle* («посмеиваться») и *snort* («фыркать», «хрюкать») (OED; Oxford).

Номинация *chuckle* – («посмеиваться», «хмыкать») впервые была отмечена в английском языке в конце 1500-х гг. Данный глагол произошёл от среднеанглийского выражения *chucken*: “make a clucking noise” («издавать кудахчающие звуки»). Первоначально *chucken* обозначало громкий и шумный смех (OED). Соответственно другим информационным ресурсам данная номинация была сообразована с глагольной единицей *chuck* («кудахтать») уже в 16 веке (CED). К первоначальной интерпретации «кудахчающий смех» со временем добавляется новое значение «тихо посмеиваться», «хихикать», позже занимая главенствующее место. Семантическое изменение первоначального варианта «издавать кудахчающие звуки» была основана на метафорическом переносе значения «фыркать, смеяться подобно кудахтанью», следовательно глупо, обидно. В словарях эта теория подтверждается, более того, отмечается имитационное, звукоподражательное образование глагольной номинации. Именно поэтому она является омонотопом в глагольной лексике, наравне с базовой номинацией *laugh*.

Номинация *giggle* («хихикать», «глупо или льстиво смеяться») первоначально была отмечена в первом десятилетии 16 столетия (MWD). В германских языках отмечаются когнаты голл. *gigelen*, нем. *gickeln* (RHD).

Глагол также является звукоподражательным по природе происхождения (MWD; RHD).

В 18 столетии было образовано шотландское существительное *gawf*, интерпретировавшееся как «грубоватый и громкий смех». Позже оно видоизменилось, и к 1720 году превратилось в существительное *guffaw* и глагол *to guffaw* (MWD; RHD; OED). Глагольная номинация *guffaw* также относится к ономатопеичной лексике (MWD; RHD; OED). Понятие глагола *snicker* - «давиться от смеха, фыркать, сдавленно смеяться», первое упоминание о нём возникло в конце 17 столетия, родственной лексемой является голл. *snikken* «хватать ртом воздух, всхлипывать» (List of English words of Dutch Origin). Нельзя не отметить, что денотата «давиться от смеха» в английском языке отличается от голландского когната «всхлипывать, давиться от слез».

Что касается номинативной единицы *tee-hee* «хихикать», она образовалась в структуре английского языка в XIII-XIV веках в форме среднеанглийской номинации *tehee*, которую использовали при восклицании для усиления значимости (MWD). Как глагольная единица *tee-hee* оформляется после использования ее в новелле Джеффри Чосера «Рассказ мельника» (“Miller’s Tale”). Например: “Tehee!” quod she, and clapte the wyndow to, And Absolon gooth forth a sory pas. (Chaucer). В конкретном примере номинация обозначает восклицание, следовательно, является частью имитационной лексики.

Заключительной номинацией смеха *titter*, которая переводится как «нервно хихикать; прыскать со смеху», она появляется в 1610-20-х годах и берёт своё начало у скандинавской ветви языков, а конкретно от протогерманского глагола *ti-tra* (современный когнат в нем. *zittern* «дрожать») и др.сканд. *titra* «дрожать, трепетать» (OED). В среднеанглийский период *titra* трансформируется в *titter*, при этом значение не меняется. Семантическая трансформация первоначальной интерпретации в новоанглийский период

заключалась в метафорическом переносе значения «дрожать»: «дрожать от холода» и «дрожать от смеха» / «мелко смеяться». В настоящее время дефиницией когната *tittra* в шведском языке является «хихикать». Также возможным путём образования данной номинации может являться звукоподражание, но более вероятно, что оба варианта возникновения глагольной номинации имеют ономатопеичные корни, как в значении «хихикать», так и в значении «дрожать».

Таким образом, нам удалось выяснить, что первичные номинации *laugh* и *titter* имели свои первичные формы в протогерманском периоде (1100-530 гг. д.н.э.), единицы *chuckle* и *tee-hee* были образованы среднеанглийский период (XIXIV вв.); а в ранний новоанглийский период (кон. XV в.- сер. XVII в.) в языковой структуре закрепляются номинации *giggle*, *guffaw* и *snicker*.

1.4. Классификация английских глагольных ономапов смеха

Впервые теория имитации была отмечена в работах древнегреческих философов, позже ею занимался Г.Лейбниц, который полагал, что первичные языки людей формировались на звукоподражании окружающему миру.

С развитием языковой структуры принцип подражательности становится символическим, однако со временем теряет свою значимость. Г.Лейбниц рассматривает принцип звукоподражания как первая ступень становления и происхождения человеческого языка (Зенков, Сапожникова). Основываясь на нашем исследовании, нельзя не отметить, что первичные глагольные номинации смеха в английском языке первоначально образовались вследствие ономотопеи человеческому выражению преимущественно положительных впечатлений. В дальнейшем, разумеется,

номинативные единицы трансформировались, изменялась их коннотация, произношение и написание. При изучении этимологических словарных статей было обнаружено, что в более ранние периоды существования языка количественная составляющая обозначений естественных звуков природы была намного выше, чем в современности. «Динамика развития ономастов является отражением того, что многие из них либо утрачивают свои первоначальные значения, либо изменяется их оттенок (например, изменение обозначения громкости в глаголе *chuckle*, сменившего определение «громкого, шумного смеха» на «тихий довольный смех»). Это свидетельствует о том, что звукоподражательная система в целом динамична и, развиваясь, перестраивается и переструктурируется» (Тимошилова, Ромашина, 2009: 129). «Звукоподражание (ономастия) – закономерная произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом)» (Воронин 1990:5). В российской научной литературе достаточно популярными считаются несколько подходов к классификации ономастов: экстралингвистические (по звуковому образу (Тишина, 2010), по источнику происхождения звука (Гальперин, 1958; Дудников, 1990) и интралингвистические (по лексическому значению (Реформатский, 1996; Тихонов, 1981).

Существует четыре уровня развития ономастов: «1) звукоподражания, близкие к междометиям (кукареку, хи-хи-хи, мямням, ква-ква, ам); 2) лексикализованные ономасты, мотивированные единицами первой группы (каркать, хрюкать, хрюша, квакать, кукушка, цапнуть, стукнуть); 3) ономасты, осознаваемые носителями языка лишь на интуитивном уровне за счет частичного воссоздания звукообраза или формальных показателей звукоподражательности (дребезжать, брызгать, балаболить, тараторить, шуршать); 4) звукоподражательные слова, утратившие свой первоначальный звуковой образ (скала, щель, клёст, синица, черта)» (Тишина, 2010: 34).

По интралингвистическому анализу ономатопейных глагольных номинаций существуют следующие структурные особенности. «Английские звукоподражания смеха представлены: 1) односложными единицами: laugh, cackle, titter; 2) составными образованиями (словостяжениями): tee-hee, hee-haw. Английские ономотопы характеризуются высокой продуктивностью конверсионного способа словообразования, что способствует беспрепятственному переходу звукоподражаний из одной части речи в другую» (Воробьева, Кобенко et al). А именно: laugh (n) – to laugh (v), giggle (n) – to giggle (v), cacke (n) – to cackle (v) и так далее. Английские звукоподражания содержат в себе широкий состав имитативных единиц, основывающихся на редупликации и чередовании звуков. В данном случае наблюдаются неполные повторы: hee-haw, tee-hee.

В итоге, исследуя первичные и вторичные номинации смеха в английском языке, было отмечено следующее: первичные номинации смеха, возникшие вследствие имитации звуков человека, являются ономатопами уровня номер три. Глагольные номинации laugh, giggle, tee-hee осознаются носителями языка больше на интуитивном уровне за счет звукоподражательной природы, отчасти напоминающей исходные звуки смеха человека. Вторичные автономные номинации, имитирующие звуки (cackle, hee-haw, nicker, whinny) имеют многозначную интерпретацию. Если рассматривать их с точки зрения прямого значения («кудахтать», «иггокать», «блеять» и «ржать»), целесообразным считается причислить их к имитативным второго уровня, которые основаны на звукоподражании первичных звуков животной природы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1) В ходе исследования были выявлены следующие компоненты номинаций: денотативный компонент, внутренняя форма и эмпирический компоненты. Эмпирический компонент имеет несколько подтипов: 1) селективный подкомпонент (лексическая и культурно обусловленная сочетаемость знака); 2) коннотацию (отношение говорящего к коммуникантам); 3) стилистическую маркированность слова (особое стилистическое впечатление о номинации вне контекста; сфера общения, специфика функционального стиля, жанр); 4) вербально-остенсивный подкомпонент (описание цвета, запаха, звука, вкуса и формы в определении языковой единицы).

2) Также было объяснено понятие «языковая номинация» - процесс создания, закрепления и распределения наименований на дифферентные фрагменты действительности, значимая языковая единица, образованная в процессе называния. Существует два главных типа номинаций: первичная и вторичная.

3) Было выяснено, что первичные номинации *laugh* и *titter* имели свои первичные формы в протогерманском периоде (1100-530 гг. д.н.э.), единицы *chuckle* и *tee-hee* были образованы среднеанглийский период (XIXIV вв.); а в ранний новоанглийский период (кон. XV в.- сер. XVII в.) в языковой структуре закрепляются номинации *giggle*, *guffaw* и *snicker*.

4) Вербально-остенсивный компонент фразовых глаголов наблюдается в выражении громкого, неожиданно возникшего смеха. Эмпирический компонент выражен стилистической маркированностью, являющейся индикатором разговорного или сленгового стиля номинаций. Ономотопы имеют истоки в среднеанглийском, новоанглийском периодах, несколько меньше – на современном этапе развития английского языка.

5) Составные глаголы зачастую имеют нейтральную оценку коммуникантом, в то время как значению ономастов соответствует негативная окраска.

6) Звукоподражательность – основополагающий принцип возникновения многих первичных и вторичных глагольных номинаций смеха.

7) Ономастические глаголы делятся на 4 уровня: «1) звукоподражания; 2) лексикализованные ономасты, мотивированные единицами первой группы; 3) ономасты, осознаваемые носителями языка лишь на интуитивном уровне за счет частичного воссоздания звукообраза или формальных показателей; 4) звукоподражательные слова, утратившие свой первоначальный звуковой образ» (Тишина, 2010: 34).

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ СМЕХА

2.1. Структурные особенности первичных глагольных номинаций

С точки зрения представителя «телесного» подхода к языку и познанию И.А. Стернина, компонент денотата - это «отправная точка анализа при определении психологически реального системного значения слова», обычно представлен в толковых словарях «той совокупностью знаний о денотате, которая является достоянием всего говорящего коллектива» (Стернин, 1979: 62). Компонент денотата представляет собой предметно-логический аспект семантики, это положение, в общем и целом являющееся определителем конкретного предмета, свойства, фактора, направления развития и т.д.

«Понятие является основным стержнем значения, его сутью» (Стернин, 1979: 95). Понятие, разумеется, имеет место в словарной дефиниции слова. «Под вербально-остенсивным эмпирическим компонентом понимается описание цвета, запаха, звука, вкуса и формы в определении языковой единицы. Явление смеха всегда манифестируется характерными звуками, наравне с соответствующей мимикой и движениями». Проведя трактовку смыслового значения номинации *laugh*, можно сделать вывод о том, что она является базовым элементом, существующим в рамках компонента денотата.

Главными аспектами проводимого исследования являются звуковые особенности номинаций смеха: громкость, продолжительность, мощность, отчётливость, тональность звучания, тип интерпретации номинации говорящим, а также возраст и пол участников коммуникации. Мы проводим разбор нескольких первичных номинаций: *chortle*, *chuckle*, *giggle*, *guffaw*,

snigger (=snicker), tee-hee, titter. По итогам анализа был сделан вывод о том, что телесный аспект эмпирической составляющей ярко представлен у всей целостности вариантов номинации laugh и дифференцируется по двум типам: громкий и тихий. Глагольная номинация chortle в самом общем значении трактуется как noisy laugh. Однако данную коннотацию нельзя отнести к какому-либо типу оценки говорящим, так как она одновременно содержит и положительную (to laugh gleefully; to laugh because you are amused or pleased about something), и отрицательную (to laugh often at someone else's bad luck) смысловую единицу, а потому считается нейтральной. Интересным моментом является разделение номинаций смеха по гендерному аспекту: номинативный элемент giggle причисляется в основном к женскому/детскому смеху, в то время как chortle используется при описании мужской номинации смеха. Например:

(1) He chortled with delight when I told him my news (LDELC, 2005: 220).

Номинация chuckle имеет следующие характеристики: 1) to laugh quietly, softly, laugh to oneself; 2) (rarely) to laugh noisily. Как правило, этот смех совсем не громкий, едва слышимый, не обращающий на себя внимание. Коннотация конкретной номинации, как и предыдущая, носит нейтральный характер и не дефинируется, а сама глагольная номинация превалирующе относится к мужчинам, используется при описании довольного, едва уловимого слухом мужского смешка. Селективный подкомпонент отражается в примерах употребления единицы и указывает лишь на мужчин.

Номинация giggle дифферентна предыдущему примеру, она имеет следующее значение: to laugh quickly, quietly, in a high voice; to laugh repeatedly in a quiet but uncontrolled way. Здесь уже внимание обращается на темп смеха и тональность голоса. Элемент коннотации определяется следующим образом: to laugh at something silly or rude; to laugh in a silly childish way, вследствие чего глагольная номинация приобретает

отрицательную оценку. В основном конкретный элемент используется при описании смеха молодых девушек. Например:

(2) *“Stop giggling, girls; this is a serious matter” (in Britain used especially about young girls) (Oxford).*

Английская глагольная номинация *snigger* (*snicker* (Am.E.)): *to laugh quietly, in a half-suppressed manner* и *tee-hee*: *to laugh quietly*; а так же *titter* и *giggle* в том числе относятся к тихому, незаметному смеху. По словарю *Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELIC)* эти схожие варианты в основном относятся к маленьким детям, подросткам в целом. Данная номинация носит негативную оценку, что обусловлено следующей интерпретацией: *to laugh at someone in a silly and often unkind way; in a way that is not nice at something that is not supposed to be funny; to laugh in an indecorous or disrespectful manner; in an unpleasant and rude way.*

Например:

(3) *‘The children sniggered at the old lady’s strange hat’ (LDELIC, 2005: 1280).*

(4) *‘The boys at school were sure to snigger at him behind his back’ (Oxford).*

Рассмотрим дефиницию номинации *tee-hee*: *the sound of a short laugh; titter or giggle (=to laugh quickly, quietly, in a high voice).*

Конкретный пример может быть применён при описании как мужского, так и женского смеха:

(5) *‘She tee-heed and swatted him with her fan’, he tee-hees, undoing all his sterling work of the 73rd minute’ (OED).*

Titter определяется как тихий, пронижительный, но застенчивый и несколько неловкий (*to laugh quietly in a high voice; in a restrained manner; to giggle*). Несколько приведённых выше примеров глагольных номинаций

носят превалирующе отрицательную коннотацию, так как интерпретируются следующим образом: *to laugh nervously, often at something that you feel you should not be laughing at; as from nervousness or in ill-surpressed amusement; to giggle in a silly way*. В словаре Longman данная номинация отмечается как *often derogative* (LDELС, 2005: 741). Основываясь на примерах применения этих номинаций, можно сделать вывод о том, что их использование ограничивается девушками и женщинами. Например:

(6) *'All dressed in lovely spring gowns, the young women giggled and tittered, no better than my twelve-year-old sister. Her stutter caused the children to titter'* (OED).

Guffaw является номинацией, в которой вербальный компонент достаточно ярко выражен с помощью громкости, и означает *to laugh loudly*. Отметим, что данный пример, как правило, в предложении сопровождается наречием *loudly*. Например:

(7) *'Her husband, also a film star <...> guffawed loudly'* (OED).

Guffaw трактуется следующим образом: *to laugh at something stupid; to laugh crudely and boisterously or to express something in this way; to laugh rudely*. На примерах чётко видно, что данная номинация используется при описании грубого мужского смеха. К примеру:

(8) *'Both men guffawed at the remark'* (OED);

(9) *'I'm sorry, Bill, truly sorry,' he said, and managed to suppress another guffaw'* (CED).

В завершении нельзя не отметить тот факт, что не существует строгих и константных границ при разграничении глагольных номинативных единиц. Например:

(10) *'She let out a loud guffaw'* (BNC).

- (11) *'If I guffawed at my husband under the duvet he wouldn't be best pleased' (BNC).*
- (12) *'And she kissed the Doctor many times, so that he giggled and blushed like a school-girl' (BNC).*
- (13) *'His head bowed on his breast, and he giggled and cowered alternately' (BNC).*
- (14) *'The soldier glared, for a Dogra is of other caste than a Sikh, and the banker tittered' (BNC).*
- (15) *'The clubbists tittered, except the girl called Tess— in whom a slow heat seemed to rise at the sense that her father was making himself foolish in their eyes' (BNC).*

Анализ вышеперечисленных глагольных номинаций показал, что употребление номинаций глагола в рамках смеховой ситуации обусловлено гендерной принадлежностью высказываний, в которых встречались случаи глаголов, обозначающих смех. Были зафиксированы частные случаи нестандартных ситуаций использования глагольных номинаций смеха в тех ситуациях, когда автор намеренно присваивает персонажам мужского пола черты женского речевого поведения. Данная особенность является неотъемлемой частью описания лексической и культурной сфер языковой структуры английского языка в аспекте смеховых ситуаций.

2.2. Структурная специфика значения вторичных автономных английских глагольных номинаций смеха

На следующем уровне исследования эмпирической составляющей глагольных номинаций были взяты 9 номинативных единиц смеха: *be in stitches, break up, cackle, crack up, crease up, hee-haw, nicker, whinny, yock up*. При анализе было выявлено две группы значений: фразовые глаголы и

идиомы (be in stitches, break up, crack up, crease up, yock up), а также ономотопы (cackle, hee-haw, nicker, whinny). Трактовка идиом и фразовых глаголов в словарях производится ёмко.

К примеру, интерпретация идиомы be in stitches: 1.(informal) laughing uncontrollably (CED); 2.laughing a lot (OED). На громкий, продолжительный и интенсивный смех указывают данные дефиниции вербально-остенсивного компонента: «сильно/много смеяться» и «несдержанно смеяться».

Следующее значение приписывается глаголу break up: 1. (slang) to be or cause to be overcome with laughter (CED). В конкретном примере имеет место быть эмпирический компонент, а именно элемент стилистической маркированности. Данное слово является одной из сленговых частиц, и используется при обозначении громкого, безудержного смеха.

Отличительной чертой фразового глагола crack up является присутствие компонента не только денотата, но и коннотата, так же можно причислить его к разговорному стилю общения: 1) to suddenly laugh a lot at something; 2) crack someone up to make someone laugh a lot (OED). Неформальная дефиниция: 1) suffer an emotional breakdown under pressure; 2) burst into laughter (RHD). Выражение «burst into laughter» является индикатором громкости, неожиданности смеха: «умирать со смеху», «разразиться смехом».

Фразовый глагол crease up также относится к разговорному стилю, наиболее часто используется в Великобритании и имеет дефиницию: 1. to start laughing, or to make someone laugh a lot (OED); 1) to laugh a lot, or make someone else laugh a lot (LDELIC).

Сленговый глагол yock up больше привычен для США, и имеет следующее значение: 1) to laugh (especially in the phrase yock it up) (CED); 2) to laugh or joke (RHD). Помимо стилистической маркированности, в глаголе наличествует лишь денотативный компонент.

Анализ фразовых глаголов представляет наибольшую сложность в нашем исследовании, так как они были образованы в языке в более позднее время, чем основные глаголы, имеющие простое морфологическое строение, более того, они имеют множество кардинально различающихся дефиниций.

В протогерманский период предки германцев входили в число племён, относимых к археологической культуре боевых топоров. Начало и завершение процесса выделения прагерманского языка примерно соответствует по времени существованию на территории Южной Скандинавии и Ютландского полуострова археологической культуры нордического бронзового века (IV—VI периоды соответствуют 1100—530 годам до н. э.). «Протогерманский период охватывает промежуток времени от появления первых признаков, отличивших германский язык от языка его индоевропейских соседей, до окончательного оформления языка, отличавшегося от соседних индоевропейских языков, но не развившего еще признаков, которые стали отличать отдельные германские языки друг от друга» (Кузьменко, 2011: 210). Опираясь на данные источников лексикографии, а также проведённый нами анализ, можно заключить, что определённые английские глагольные номинации смеха в своей основе имеют протогерманские корни, а также причисляются к автохонной лексике.

В староанглийский период было не так много фразовых глаголов, они имели несколько упрощённое строение: основной глагол и отделимая приставка. Например, глагол «burn up» (загораться, жечь) выглядел как «forbærnan», в этой форме «bærnan» - первоначальный корень «burn» (Lamont). На данный момент подобные по строению фразовые глаголы присутствуют в немецком и голландском языках. Например, глагол «aufwachen» (нем., просыпаться), имеет аналог в английском языке «wake up». Его основой является глагол wachen (нем) = wake, а отделимой приставкой - auf. При спряжении глагола приставка переносится в конец завершённого предложения. Например: ich wache auf = I wake up (я

просыпаюсь). На следующем же этапе развития языковой структуры староанглийские фразовые глаголы трансформируют приставку-предлог в предлог, следующий после глагола. (Johnson). «Фразовые глаголы уже были зафиксированы в письменных памятниках, восходящих к староанглийскому периоду, в которых частицы в составе фразового глагола еще не были подвергнуты метафорической интерпретации, а последовательно употреблялись по своему прямому назначению <...> указывали на место направления движения, а также задавали координаты физической ориентации в пространстве» (Самигуллина, 2006: 99). «В среднеанглийский период (XI-XIV вв.) меняется структура словообразования, под влиянием древнескандинавского языка (Old Norse) приставки теряют свое значение и значимость, передавая их частицам, следующим после глагола» (Smith, 1996: 140; Fischer, 1992: 386). «Благодаря огромному количеству заимствований из французского языка в этот период замедляется процесс появления новых фразовых глаголов, так как новые латинские заимствования заполнили их семантическую нишу» (Vaugh & Cable, 1993:340; Fischer, 1992: 386).

Что касается составных глаголов, они появляются в начале новоанглийского периода (XV-XVII вв.) и преимущественно используются при написании пьес, что легко объясняется их многозначностью, кроме того, они легко поддавались трансформации, именно на их основе позже возникло множество идиом. Фразовые глаголы – качественно новая для XVII в. глагольная форма, относящаяся к германской языковой семье. Уильям Шекспир в своих пьесах для пущей выразительности использовал 5744 различных фразовых глаголов. Из всего вышесказанного возможно сделать вывод: большинство фразовых глаголов появляется в языке в среднеанглийский период (ближе к XIII-XIV векам) и в ранний новоанглийский период, а именно в XV-XVII века.

По информации, представленной в лексикографических источниках, идиома *be in stitches* имеет значение «покатываться со смеху», и впервые

была зафиксирована в 30-х гг. 20 века. Похожее фразовое выражение было использовано в комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь» ещё в первой половине XVII века: «If you desire the spleen, and will laugh yourselves into stitches, follow me» (OED; MWD).

Точный период образования составного глагола *break up*, имеющего дефиницию «рассмеяться, разразиться смехом» на данный момент неизвестен, однако, на основе предыдущих примеров, можно предложить рамки с XIII по XVII век. Конкретно составной глагол *break* был образован от староанглийского слова *brekan*, а частица *up*(*upre*) относится к протогерманскому периоду.

Год появления глагола *crack up*, интерпретирующегося как «лопаться от смеха, смеяться до упаду» в том числе неизвестен. Древнеанглийский вид глагола *scacian* имеет протогерманские корни *krakojan*. Глагол приобретает фигуральный смысл в 19 столетии, в то же время в словарях закрепляется выражение «to crack a smile» (выдавить улыбку) (OED).

Глагол *crease up* «помирать со смеху, сгибаться пополам от смеха» произошёл от древнеанглийского «*creaste*» (хребет, выступ) в XVI-XVII веках. В 20 столетии году было зафиксировано происхождение глагола *uuck* (*uock*) (OED), принадлежащего к имитативной лексике.

Ещё одна группа вторичных глагольных номинаций причисляется к ономотопам, основанным на метафорическом переносе звуков, издаваемых животными и проецируемой на смех человека. К примеру, глагол *sackle* имеет следующую дефиницию: «болтать, гоготать, хихикать», впервые был зафиксирован в структуре английского языка в XIII веке, образован от среднеанглийского глагола *sakelen* (MWD). Что касается германских языков, в них были найдены однокоренные слова: ср.-голл. *käkelen*, швед. *kackla*, дат. *kagle* (OED). Глагол относится к имитативной лексике, имеет основу, идентичную немецкому глаголу *gackern* (*kickeln*) «гоготать» (AHD).

Коннотация номинации смеха заключается в сравнении со звуками, издаваемыми домашними птицами, в частности курами (кудахтанье).

Глагол *hee-haw* имеет значение «гоготать, грубо смеяться», впервые был зафиксирован в начале 19 столетия, образован от более ранней формы *hiu haw*. Так же, как и предыдущий пример, относится к имитативной ономастической лексике, звуковая дефиниция была основана метафорически, на крике осла (OED).

Ещё один глагол *nick* понимается как «(громко) ржать, смеяться, хохотать», он был образован во второй половине 1700-х гг, более ранняя его форма - *hnægan* (OED). Основа глагола имитативная, прямое значение заключается в сравнении смеха со ржанием лошади, примерно ту же дефиницию имеет глагол *whinny* (тихое, радостное ржание). В информационных источниках впервые был отмечен в начале 16 столетия, предположительно имеет отношение к глаголу *whine* (жалобно выть, скулить). Его аналог в латинском языке - *hinnire*.

Проанализировав структурные особенности вторичных глагольных номинаций нами было установлено, что сложная природа фразовых глаголов обусловлена их более поздней этимологией, что объясняет богатую природу происхождения каждого отдельного глагола-представителя. Прежде всего, причиной данного разнообразия можно считать сложную морфологическую структуру глаголов данной группы. Дальнейшее исследование целесообразно сконцентрировать на функционировании английских глагольных номинаций смеха в рамках целой смеховой ситуации, что послужит дополнительным средством описания глагольных номинаций в масштабах всей языковой системы английского языка.

2.3. Смысловая и контекстуальная реализация смеховых явлений в речи

Формирование и дальнейшее функционирование языковых структур обосновывается не только лишь интралингвистическими факторами, а и наличием двух аспектов актуализации семитологической функции языковых единиц: во-первых, в рамках внутрисистемного аспекта – непосредственно значения и во-вторых – их функционального аспекта, то есть смысла. Данный факт объясняет существующие трудности (в частных случаях невозможность) описания функционирования языковых явлений (Кравченко: 2001).

Настоящее исследование базируется на анализе роли коммуниканта в случае коммуникативного акта и его дальнейшего механизма подбора языковых средств опираясь на смысл и словарное значение. В данной работе в центре внимания находится процесс выбора языковых единиц опираясь на словарное значение в рамках смеховой ситуации, так как выбор смысла слова напрямую зависит от контекста ситуации и прочих условий общения (ССЛТ).

Примечательно, что речевая ситуация оказывает непосредственное влияние на смысл слова. Словарь лингвистических терминов предоставляет следующее определение понятию «смысл»: «Смысл – (англ. *sense*, фр. *sens*) – это содержание (значение), которое слово (оборот речи, выражение, высказывание и т.п.), обретает в определенном контексте употребления, в определенной речевой ситуации общения (СЛТ, 2007:434). Обращаясь к понятию «значение», следует отметить, что оно иллюстрирует предметы окружающей действительности (события, отношения, качественные характеристики) в сознании индивидуума, которое трансформируются в факт языка уже в результате формирования связи данного значения с конкретным звуковым отображением. Именно в образе звукового оформления значение реализуется и входит в структуру слова (морфологический аспект описания) в качестве его внутренней стороны. Из этого следует, что звучание данной

языковой единицы является материальной оболочкой, которая является обязательным аспектом для выражения значения и информации сообщения и более того, для формирования этого сообщения в целом.

Проблема соотношений понятий смысла и значения является предметной областью таких исследователей (как зарубежных, так и отечественных), как: А. В. Бондарко, С. А. Васильева, Э. Гуссерля, Ж. Дерриды, В. А. Звегинцева, Дж. Каллера, И. М. Кобозевой, В. Г. Колпанского, А. В. Кравченко, Г. П. Мельникова, И. А. Мельчука, В. Ю. Новиковой, Э. Д. Сулейменовой, Г. Фреге. Следовательно, в дальнейших исследованиях намечается динамика выделить следующие направления: на основании взглядов А. А. Потебни и на основании работ И. М. Кобозевой. С точки зрения позиций А. А. Потебни считается, что смысл подвержен влиянию контекста, в следствии чего выделяется две функции текста, одна из которой описывает процесс поиска эквивалента и последующей адекватной передачей значения, а вторая связана с процессом генерирования новых смысловых единиц. Последователи в области исследований на основании теоретических позиций Кобозевой полагают, что в процессе описания понятия смысл слова кроется суть и инвариантного значения и трактуется как вариативная норма интенционала, его коннотация и последующая интерпретация слова (Кобозева, 2000). И. М. Кобозева утверждает, что понять суть разделения понятия значение и смысл помогает такое явление, как треугольник Огдена-Ричардса (рисунок 2.1)

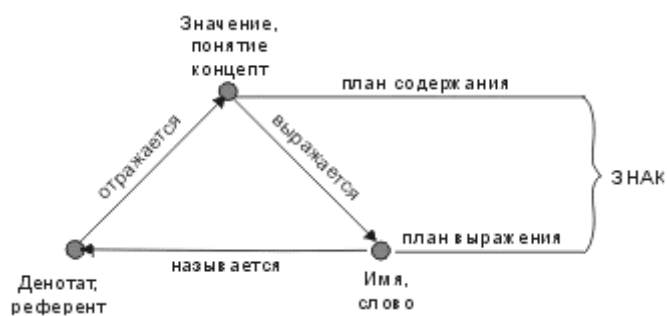

Рисунок 2.1. Треугольник Огдена-Ричардса

Значение в данной схеме уточняется как значение слова в лексическом ключе, его языковое употребление. Противоположно значению, смысл

выступает в качестве субъективного образа. Смысл возникает в процессе герменевтического восприятия текста в виде субъективного образа (в случае речевого употребления) (Кобозева, 2000). Из вышеописанного следует, что смысл является составным элементом понятия речевого явления, а значение, в свою очередь, относится к полю языковых явлений. С позиций И. М. Кобозевой понятие смысла принимает черты антропоцентризма, в том смысле, что смысл неразрывно связан с человеком, использующего данные языковые единицы в конкретном контексте и ситуации значения.

Т. Иглтон, авторитетный британский исследователь в области литературоведения отмечает, что смысл не только выражен в языке, а смысл непосредственно производится языком. Из этого следует, что автор полагает, что смысл вступает в неразрывную связь с реципиентом сообщения, который интерпретирует слова и смыслы. Только в процессе достраивания смысла и интерпретации в ходе дальнейшего восприятия и чтения текста, читатель способен как можно ближе в своих рассуждениях подойти к исходному понятию и смыслу, который закладывал автор в рамках авторской задумки и интенции. (Иглтон, 2010).

Г. П. Мельников дает общее суммирующее понятие смысла, которое подводит итог всему вышесказанному. Итак, смысл имеет два воплощения. Во-первых, это непосредственный зафиксированный обществом людей, который был заготовлен заранее (имеет место быть до непосредственного акта коммуникации) и смыслы, которые возникают ситуативно в рамках конкретного акта коммуникации в процессе творческой работы самими говорящими. (Алефиренко, 2005). Значение находится внутри языка, а смысл – вне его.

Неоднозначность разделения в научных кругах понятий значения и смысл не отрицает того факта, что всё же существуют некоторые концепции, которые признают, что значение является непосредственным элементом языковой системы, а смысл функционирует как явление речи, он имеет ситуативные характеристики и черты (Бондаренко, 1978).

Переходя к процессу адекватного понимания смысла с позиций ситуаций смеха необходимо, прежде всего, прояснить непосредственное толкование термина «ситуация». Данное понятие было введено К. Ясперсом прежде всего в областях экзистенциализма, феноменологии и философии. Ситуация – это набор обстоятельств и исходных условий, которые создают ряд отношений и обстановку в случае акта коммуникации. В аспектах проблематики данного исследования целесообразным является рассмотреть более узкое понятие ситуации, а именно ее семантическую природу. Данные суждения были предложены А. Г. Сильницким. Такие ситуации являются социальными и иллюстрируют разнообразные виды отношения между людьми, группами людей и учреждениями. Отношения целесообразно называть социальными в том случае, если они выходят за установленные границы действий субъектов и их интересов, принимая во внимание принадлежность данной ситуации к определенному социальному институту, традициям, обычаям (Сильницкий, 2003).

Существует два подтипа социальных ситуаций:

- 1) Специфические: бытовые (marry, befriend, divorce), юридические (arrest, legalize, prosecute, testify), общественно-политические (vote, urbanize, democratize, revolutionize), экономические (capitalize, invest, buy, sell), культурологические (classsize, publish) и *смеховой* (с моделирующими глаголами *turn a laugh chuckle, be in stitches, crack up* и т.д.)
- 2) Неспецифические.

В следствии вышеперечисленной классификации целесообразным является выделение такой рабочей дефиниции смеховой ситуации: «Смеховая ситуация – ситуация, которая реализует смех в его разнообразных проявлениях в ситуациях, когда участники ситуации общения демонстрируют наличие эмоциональной реакции (поведенческой, мимической, невербальной или вербальной), основывающаяся на когнитивном диссонансе двух понятий. Принадлежность данного типа

ситуации к специфическим социальным ситуациям позволяет делать вывод о смыслах смеховой ситуации. Ситуация принимает типологические смыслы смеховой ситуации под влиянием смысла, а именно – под влиянием контекста и оценивания таковой ситуации как смеховой по мнению одного или нескольких индивидов (участников коммуникации).

В ходе данного исследования важным является также рассмотрение такого понятия, как смеховой текст. Смеховой текст отличается от смеховой ситуации прежде всего тем, что является более общим понятием. В рамках синтаксиса смеховая ситуация как правило ограничена определенным количеством грамматических предложений, а объём такого текста варьируется в объемах от предложений до глав. Важным фактором описания смеховой ситуации безусловно является наличие контекста. Например:

(16) *“One and out” – he said. “This time for you”. With what little she had left, Joan Quigley laughed: “that is so you, she said, back to her old self. (Edwards, 2009: 209).*

Для корректного анализа данного отрывка обязательным является анализ контекста всей главы данного произведения. Главный герой – рок-звезда, пришёл к своей подруге детства, которая на грани смерти. Чтобы подбодрить ее и показать, насколько из дружба важна, он поет их песенку из детства. Девушка очень любит эту песню, но уже очень слава, поэтому смех ее грустен, однако отражает все эмоции счастья от времени, проведенного с близким другом. Этот пример иллюстрирует то, как смеховой текст оказывает влияние на смеховую ситуацию в целом.

Смеховой текст – это текст внушительных размеров, в котором описываются смеховые ситуации. И именно благодаря владением контекстом произведения и ситуацией в целом, читатель правильно трактует для себя смысл смеховой ситуации в целом.

Дальнейший анализ и работа со смеховыми ситуациями предполагает рассмотрение понятие модели и его отношения к характеристике смеховых ситуаций. Далее речь пойдет о функциональной модели языка. Данная

модель разработана литературоведом А. Ж. Греймасом и введена в работу в ходе исследований Л. Теньером в виде вербоцентрической модели. Данная модель и будет взята в основу анализа смеховой ситуации и в дальнейшем исследования глагольных номинаций в рамках ситуации данного типа.

Смеховая ситуация в английском языке имеет такую характерную черту, как структурная вариативность. Именно этот признак позволяет в ходе дальнейшего исследования выделить определенные подтипы смеховой ситуации. В. Викулова выделяет две базовые модификации смеховой ситуации (Вакулова, 2007: 165):

- 1) Модель, которая выражается схемой «субъект – причина» – субъектно-причинная модель.

Данная ситуация подразумевает смеющегося человека и некую причину смеха, которая является результатом сложного взаимодействия сознания и психики человека (Викулова, 2007: 166). Например:

(17) *She laughed with joy:*

(18) *He giggled with satisfaction:*

(19) *They laughed gaily as they remembered...*

(20) *“A woman’s love is wonderful” he laughed bitterly.*

Глагольная лексема в данном случае может быть как нейтральной, так и нести эмоциональную окраску. Причину смеха в данной модели отражает семантика существительного. Кроме того, существительное показывает и эмоциональное содержание (коннотацию) (Викулова, 2007). Однако, в случае, когда существительного в конкретном предложении нет, то причину смеха может описать обстоятельство (как в примере б), пусть и с некоторой потерей смысла. Обстоятельство в большей мере характеризует эмоциональное состояние говорящего, его оценку причины смеха. Грамматическая модель в данном случае имеет следующий вид: «смеяться от чего? Смеяться как?». Например:

(21) *To laugh with joy*

(22) *To laugh happily, ironically.*

2) Модель, выраженная схемой «субъект – цель – объект».

В. Я. Пропп выделяет два компонента данной ситуации: смешной объект и смеющийся субъект. То есть, смеховая ситуация состоит из смеющегося человека, который подразумевает определённую целевую установку по отношению к смешному объекту действительности в рамках той или иной смеховой ситуации. Например:

(23) *She laughed at his jokes.*

(24) *They roared with laughter as my speech was finished.*

(25) *Reid chuckled at a ridiculous name.*

Грамматическая модель в данной ситуации выглядит следующим образом: «смеяться над кем? чем?»

Рассмотрение данных двух моделей и соответствующих ситуаций показывает, что причина смеха не всегда очевидна и выражена каким-то конкретным словом или словосочетанием. Чаще всего причина смеха кроется в самой ситуации, в контексте и окружении анализируемого отрывка.

Теоретические исследования понятий «значение» и «смысл» способствуют более подробному и полному рассмотрению смеховой ситуации, в рамках которой нами и было проанализировано функционирование глагольных номинаций и выделены основные случаи актуализации различных моделей использования глаголов смеха в этом контексте. Характерными признаками реализации глагольных номинаций смеха является их эмоциональная нагрузка или, напротив, нейтральность, а также наличие или отсутствие прямого указания на причину смеха в ходе речевого взаимодействия собеседником. Кроме того, рассмотрение понятия «смеховой текст» позволяет перейти на иной уровень исследований глагольных номинаций уже в пределах абзаца, главы или всего текста.

2.4. Анализ английских смеховых ситуаций

В структурном плане, смех – это неотъемлемая составляющая более обширной части структуры беседы (Gunther, 2002: 98). На данный момент в английском языке насчитывается большое количество синонимичных глаголов, выражающих процесс смеха, спецификой которого является принадлежность к человеческой особи. Авторы прибегают к использованию лексических средств обозначения смеха для описания всего многообразия эмоциональных состояний человека как позитивных, так и резко негативных, таких как злоба или же гнев.

Как правило, в системном определении возможно найти различные оттенки эмоционального состояния человека. Благодаря анализу внутреннего, эмпирического и внешнего компонентов значения номинаций английского языка представилось возможным углублённо изучить особенности смеховых единиц в рамках их исторического развития, а также наглядно увидеть роль глагольных номинаций смеха в современной английской языковой картине мира. К тому же была подтверждена идея о наличии эмпирического компонента во всех номинациях. Благодаря проведению данного анализа удалось выработать дефиницию значения английской номинации смеха.

Взяв за основу представленные выводы, целесообразно также проследить механизм работы глагольных номинаций смеха английского языка в контексте. В данном разделе, внимание было сосредоточено не только на рассмотрении разницы между такими понятиями как значение и смысл, особое значение придавалось разработке определения смысла смеховой ситуации, которое будет использоваться для достижения поставленных целей путем анализа смеховых номинаций в контексте. В качестве эмпирического материала послужили смеховые ситуации из современной художественной литературы США и Великобритании, а также отрывки из БНК (Британского национального корпуса).

Смеховая ситуация, что представляет из себя комплекс взаимосвязанных событий со сложной структурой, выступает в роли референта макродискурса. Смеховая ситуация, возникшая из определенного события, производит реакцию в виде смеха под влиянием внутренних или же внешних стимулов. Английский глагол смеха считается ядром актантной модели, которая реализуется при помощи смеховой ситуации. Его центральная роль в структуре предложения не раз подчеркивалась многими учеными-лингвистами. Как следствие, глагол играет ключевую роль в смеховой ситуации и тем самым является ядром ситуации. Подобная мысль прослеживается в работах Н. Н. Болдырева. По мнению автора, глагол содержит в себе целую ситуацию (в сжатом виде), а не только лишь служит передачей значения определённого действия, состояния или же процесса (Болдырев, 1995). Также ученый упоминает, что лишь при помощи пропозициональной интерпретации глагола, т.е. выделения объектов в данном событии, возможно окончательно определить значение глагола и его соотношение с обозначаемым объектом. Ведь только в предложении происходит развертывание пропозициональной структуры того или иного глагола, раскрывается характер актантов его пропозиции (Болдырев, 1995).

Анализ смеховых ситуаций показал, что существуют две актантные модели:

- 1) Субъекто-причинная
- 2) Субъектно-объективная

Однако при детальном изучении материала обнаружилось частичное переплетение двух этих моделей между собой. Данный факт не мог остаться незамеченным среди исследователей, поэтому появилась новая актантная модель, а именно субъектно-причинно-объектная.

Что касается субъектно-причинной модели на базе смеховой ситуации, где субъект – смеющийся человек, а причиной является то, что чувствует

человек на психоэмоциональном уровне, то в процессе детального анализа Британского Национального Корпуса и английской художественной литературы было выявлено около 7 видов данной модели, в каждой из которых глагольная номинация смеха играла ключевую роль.

Рассмотрим первый случай, где один конкретный человек придается собственным воспоминаниям (или же делится этим воспоминанием, находясь в окружении нескольких других людей), тем самым оказываясь внутри смеховой ситуации. Например:

(26) *Dilly laughed again. “Your mother had a wonderful way of taking a few hundred years of excellent New England Puritan heritage and making it sound like a nervous disorder” (Edwards 2009: 170).*

(27) *Mary Ann was saying “I’m very fond of your mother. We were always close as girls. As like as two pees. We didn’t half get up to some mischief, I’ll tell you. Little tinkers, we were.” She chuckled at the memory. As she cleared away the tray, Stanley picked up a newspaper and started to read (BNC).*

(28) *She was so indignant. Breakfast cost five shillings and dinner, I think, about nine, but she knew that before she went. What infuriated her was that they charged three shillings for afternoon tea, so she decided to forgo it because she knew the men would still be out on the links. Louise chuckled at the recollection. “We had a terrible check at Euston. We had to decide on travelling third or first class. I’d have just gone third but Nora looked ahead. She was worried about coming back (BNC).*

Вторая ситуация заключается в том, что конкретного человека переполняет полное ощущение счастья. Например:

(29) *For years afterwards, Jay’s heart gave a lurch every time she passed the place where they parked – Astrid drove the three hundred yards from her house so they could kiss in the car before she went to Timisia. <...>*

They giggled with bagels in a park strewn with dog-shit and broken bottles, and pretended it was New York. <...> They flirted with everybody especially each other (BNC).

(30) *Wexford remembered that there was another child, a mongol, confined somewhere in an institution. The baby which Vigo now took in his arms was perhaps six or seven months old. No one could have doubted its paternity. Already it had its father's athletic limbs. Vigo lifted the boy high, laughing as he chuckled, and there came into his face an intense besotted adoration. "Meet my son, Mr Wexford. Isn't he splendid?" (BNC).*

Обычно смеховая ситуация реализуется за счет нескольких субъектов, но также бывают и случаи, когда смех вызван внутренним состоянием конкретного человека. Так, следующую ситуацию мы отнесли к случаю, где смех вызван облегчением. Данный тип смеха играет роль некоего спускового механизма, цель которого ослабить психологическое напряжение у субъекта. Применение данного механизма может происходить в следующих ситуациях: 1) исчезновение чувства опасности, возвращение чувства покоя и защищенности; 2) попытка человека за счет смеха сгладить психологическое напряжение, человеку зачастую некомфортно в данной ситуации и смех в большинстве случаев звучит крайне неестественно. Если реализовать данную смеховую ситуацию в схеме, то она будет выглядеть следующим образом: «Субъект – облегчение». Например:

(31) *"That's fine, Charles", Nick smiled. The colour had returned to his cheeks. "We've sorted it all out." "A steward's work is never done, eh?" Caldecott laughed with hearty insincerity. He turned to Kelly. "By jove, that was a nice winner you rode for Gardem yesterday" (BNC).*

(32) *"He hung up on me". The machine had carried on recording when Mrs Bradshaw had used the phone. Ear-bashing was an understatement. Her stern and contemptuous delivery would have reduced Stalin to a jelly.*

I laughed with relief. Trust Mrs Bradshaw to bring me back to reality. She had reduced the voice to something on the same level of annoyance as a heavy breather. She looked at me searchingly. “Are you in trouble, Chris?” “No, of course not. It’s probably something to do with the Foggy Davies business”. I then explain to her about the attack on Toby. “I admit that Toby has been stirring things up in his newspaper (BNC).

(33) *Suddenly Margaret became aware that Susie was deeply in love with Arthur Burdon. The discovery was so astounding that at first it seemed absurd. “You’ve never done that caricature of Author for me that you promised”, she said, suddenly. “I’ve tried, but he doesn’t lend himself to it”, laughed Susie (Maugham, 2007).*

Следующую смеховую ситуацию можно выразить схемой «субъект – внутренняя речь – мысли вслух», ввиду того, что причиной смеха в данной ситуации являются мысли конкретного человека, его диалог с самим собой. Данный феномен также применим и к группе людей, где субъект вербально выражает собственные мысли, чем и вызывает смеховую ситуацию. Например:

(34) *Then Wheeler laughed, the thought of comparing a swing band to fullblown sixties acid rock amused him (Edwards, 2009: 264).*

(35) *“Oh, it’s one of our conventions here that nobody has talent”, laughed Susie. “We suffer one another personally, but we have no illusions about the value of our 138neighbor’s work. Tell me who everyone is” (Maugham, 2007: 24).*

(36) *He would come down laughing over something fearfully funny he had been saying to a star, but he had already forgotten what it was, or he would come up with mermaid scales still sticking to him, and yet not be able to say for certain what had been happening (BNC).*

Смех также может быть вызван у человека по причине довольства собой, хитрости своего ума, что представляет собой ещё один вариант схемы внутри субъектно-причинной модели в рамках смеховой ситуации. Например:

(37) *“Yup, Yup. All present and correct, orders obeyed, Lieutenant”, he said, saluting, then collapsing on to her shoulder giggling. “But it was one of those ruddy answerphone thingumajig” (BNC).*

(38) *“I tried to explain that there was nothing amiss and that you’d be back in time for supper with Miss Nicole. But they wouldn’t listen.” Nicole giggled. “That’s exactly what we expected, Sergeant. We knew that the one way to get the world’s two greatest detectives to come here would be to stage a mysterious disappearance” (BNC).*

В рамках субъектно-причинной модели раскрывается ещё одна смеховая ситуация, где конкретный человек смеется над своими же словами, шуткой или же поступком, что носит название самоиронии. Данный смех не обязательно означает, что человек в приподнятом, веселом настроении, напротив, иногда он скрывает далеко не позитивный настрой. Это может быть выражено следующей формулой «Человек – самопроекция». Например:

(39) *“Promise that you’ll never forsake me.” – He said and laughed, as he kissed away her tears, and she tried to smile (Maugham, 2007: 93).*

(40) *But even as she chuckled, Phoebe knew now that this was not fair. There had been a time, a brief time, a glorious dawn, when despite her growing awareness of her own sexual failure, despite her anger and frustration, despite her own laziness and lack of commitment, there had been a time when she had been happy and hopeful and joyous (BNC).*

Заключительной смеховой ситуацией в рамках данной модели является та ситуация, когда причина смеха человека понятна только ему, основываясь на внутренних переживаниях и эмоциях человека без привязки к временным

рамкам. Данная ситуация имеет следующую формулу «Человек – проекция». Например:

(41) *Chairman Garry Gibson yesterday laughed at the prospect not merely of promotion, but the possibility of passing the /magpies on the way (BNC).*

(42) *“Being let down by friends or a lack of public transport not only encouraged drink-driving, it also led young people to accept lifts from friends who had been drinking. A couple of boys used to make a thing about getting pretty drunk and then going out” said one of the interviewees. “It was laughed at, but secretly we’d say “Oh God, they’re being stupid”. But the same stigma was not associated with accident involvement or dangerous driving (BNC).*

Далее в нашем исследовании мы рассмотрим следующую актантную модель смеховой ситуации, а именно субъектно-объектную. Она имеет следующий вид «субъект – цель – объект», в которой субъект – смеющийся человек, цель которого высмеять собеседника, то есть объекта. В этой ситуации необходимо наличие двух человек, которые выступают в роли адресата и адресанта. Второе звено в данной цепочке, а именно «цель» соотносится со следующими теориями смеха в области психологии: теория превосходства, теория бисоциации, теория релиза.

Применяя теорию превосходства, конкретный субъект высмеивает объект, его речь, внешний вид, неудачу. В большинстве случаев такой смех имеет негативный оттенок, в некоторых даже агрессивный, и чаще всего направлен против конкретного человека, группы людей. Например:

(43) *She saw things so vile that she screamed in terror, and sshe heard Oliver laugh in derision by her side (Maugham, 2007: 90).*

(44) *Two Bloody Marys later he was laughing at Jerome’s obsessive use of the term ‘self-aware’ and his skintight calf-length Calvin Klein*

underpants. Meanwhile, Simon, Michael, Rebecca, Magda, Jeremy and a boy claiming to be called Elsie had all rung to see how he was (BNC).

(45) *Mademoiselle wasn't quite sure whether she really believed in this spider or nor. What with Elissia's deafness last week and one thing and another. Irene giggled, Mademoiselle fixed her with a glare (BNC).*

В теории бисоциации, напротив, отсутствует цель причинить объекту вред, задевая его чувства. В рамках данной теории смех – это скорее результат неожиданного финала в диалоге, противоречивости идей, обманутого ожидания и т.д. Например:

(46) *“Old Wix, of course, has never forgiven me. Have you seen old Wix?”*
“Yes. When he came for your father. He looked sweet.” “Solid wood, you mean.” He chuckled and started coughing. “I’ll say this for old Wix”, he went on when the spasm had passed (BNC).

Если же при коммуникации возникает некая натянутость или же сам объект находится в состоянии нервного напряжения, то объект решает разрядить обстановку при помощи смеха, что олицетворяет собой теорию релиза. Данный тип смеха играет роль некоего спускового механизма, цель которого высвободить психологическое напряжение. Следует отметить, что важной составляющей данной теории является высмеивание слов или идеи объекта. Субъект, в свою очередь, пытается сгладить напряженность обстановки, а также справиться с собственным волнением. Например:

(47) *“Don't be a pair of perfect idiots,” cried Susie gaily. “I'm dying for my tea.” The lovers laughed and reddened. It struck Arthur that he should say something polite (Maugham, 2007; 19).*

Из вышеупомянутого следует, что субъект и объект – это два разных человека, которые являются участниками коммуникации, а целью является превосходство, облегчение или шутка, в зависимости от теории смеха.

Проанализировав словарные статьи можно сделать вывод о том, что в рамках перечисленных смеховых ситуаций высмеиванию чаще всего поддается объект, а именно его слова, внешний вид, поступки, черты характера и др.

Что касается субъектно-причинно-объектной модели, то она затрагивает смеховую ситуацию где у субъекта есть обоснованные причины для смеха над объектом, к примеру внутренние эмоциональные переживания. В рамках данной модели объект представляет собой живой/неживой объект, который очеловечивается субъектом, обретая человеческий образ или его свойства. Проанализировать данную смеховую ситуацию довольно сложно, так как встречается она крайне редко и не всегда понятна причина смеха. В нашем исследовании на основе анализа англоязычного корпуса было решено компонент «причина» приравнять к очеловечиванию объекта. Схема субъектно-причинно-объектной модели в рамках смеховой ситуации имеет следующий вид: «человек – факт очеловечивания – живой организм/неживое/стихия». Например:

(48) *The dog slowly slunk up to them, and with a terrified expression crouched at Margaret's feet. "He is frightened of me", said Haddo, laughing with that harsh laugh of his, which gave such an unpleasant impression (Maugham, 2007: 76).*

(49) *A fly came dim along the shaft of sunlight coming through the open door. He watched it cross the room and get halfway and then it turned around and left, he laughed (BNC).*

(50) *Linking arms, we laughed at our reflections. Two curly heads, one brown, the other grey...(BNC).*

(51) *The waves were amazing and we laughed in the face of them as they sprayed us with a salty spray! (BNC).*

Подводя итог практическому исследованию функционирования глагольных номинаций можно отметить, что наиболее полное исследование

глагольных номинаций смеха возможно лишь в результате последовательного изучения этимологии, структуры глаголов смеха в английском языке. Для более подробного изучения актуализации глаголов смеха было решено выделить основные ситуации смеха, в последствии чего нами были установлены и производные от них модели построения высказываний, в эпицентре которых и находится глагол смеха, порождающий собой сначала саму ситуацию (с присущими смыслами и эмоциональными посылами), а после и смеховой текст произведения. В ходе исследования было выделено большое количество факторов, влияющих на исход смеховой ситуации и ее природу.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В 90-х годах исследователи пришли к выводу, так как происходит стремительное развитие всех сфер жизни, уже невозможно изучать язык «автономно», так как появилось огромное количество «междисциплинарных» наук, которые находятся на стыке с лингвистикой.

1) В нашем исследовании нам удалось определить первичные глагольные номинации, к ним относятся: *laugh, chortle, chuckle, giggle, guffaw, snicker (= snigger), tee-hee, titter*. Номинация *laugh* была определена нулевая базовая единица в ходе исследования.

2) Вторичными автономными номинациями смеха являются: *be in stitches, break up, cackle, crack up, crease up, hee-haw, nicker, whinny, yock up*, которые составляют две основные группы: фразовые глаголы смеха и идиомы (*be in stitches, break up, crack up, crease up, yock up*) и ономатопы, изображающие смех человека, основанные на имитации звуков животных (*cackle, hee-haw, nicker, whinny*).

3) При анализе номинаций было отмечено, что тихий смех зачастую имеет отрицательную коннотацию, содержит насмешку.

4) Селективный компонент играет значительную роль при разделении номинативных единиц по гендеру и возрасту. Так, *chortle* и *chuckle* относятся к «мужской» смеху, а *giggle* и *titter* – к женскому и детскому.

5) Анализ фразовых единиц вызвал самые большие трудности, так как они были образованы значительно позднее, чем к примеру, основные. В ходе анализа фразовых глаголов смеха было выявлено наличие, как денотата, так и коннотата;

6) Во фразовых глаголах следует выделить такую характерную черту как «многозначность», с древних времен в составе фразовых глаголов

произошло масса изменений/трансформаций, благодаря этому на основе фразовых глаголов возникло большое количество идиом;

7) Была рассмотрена группа вторичных глагольных номинаций, которые были отнесены к ономатопам. Мы установили, что они были созданы на основе «метафорического переноса звука», который может издаваться животным и проецироваться на смех индивида;

8) В ходе исследования было выявлено, что коммуникативная ситуация играет огромную роль при определении «смысла слова». В данном разделе, внимание было сосредоточено не только на рассмотрении разницы между такими понятиями как значение и смысл, особое значение придавалось разработке определения смысла смеховой ситуации, а также был рассмотрен сам механизм работы глагольных номинаций смеха английского языка в контексте смеховой ситуации в рамках различных актантных моделей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день общество развивается со стремительной скоростью, вследствие этого повышается важность «межкультурной коммуникации». Кросс-культурные связи охватывают весь спектр жизнедеятельности и функционирования человека как индивида, так и как части социальной группы.

В ходе нашего исследования мы охарактеризовали специфическую категорию «смеха» как нить, которая соединяет субкультуры различных этносов.

Нами было выявлено, что с теоретической точки зрения проблемы глагольной номинации разработаны недостаточно хорошо, существует множество точек зрения среди исследователей, также мы отметили то, что в отечественном языкознании нет структурированного подхода/метода для описания и систематизации эмотивной маркированности смеха в английском языке.

Но взятый за основу исследования материал также является объектом изучения других дисциплин. Феномен «смеха» рассматривается не только среди гуманитарных наук, но и точных, к примеру, феномен смеха активно изучается в медицине, а также в научной дисциплине как – физиология. В соответствии с этим, можно сделать вывод, что каждая наука использует свои подходы и методы для исследования данного феномена.

При анализе существующего материала в отечественной лингвистике мы постарались раскрыть методы и способы, которые используются для номинации в языкознании, а также, благодаря исследованиям российских ученых в таких областях как: паралингвистика, психолингвистика.

Были изучены разнообразные подходы к функциональному определению феномена смеха.

В процессе анализа среди лексико-фразеологических и лексико-семантических полей, были рассмотрены особенности лексической номинации, а также глагольной формы феномена «смех», были выделены «фразовые глаголы смеха» и «идиомы».

В ходе анализа теоретической базы, были проанализированы глаголы, которые существуют в английском языке, для описания смеха с позиции эмотивной маркированности.

Нами не была забыта и «содержательная сторона глагола», таким образом, был рассмотрен функционально-когнитивный ракурс номинации глаголов смеха, были охарактеризованы первичные и вторичные номинации смеха, которые по большей степени являются ономатопами.

В связи с этим дальнейшее научное исследование «номинаций смеха» в рамках различных дискурсов является перспективным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура [Электронный ресурс] / С.С. Аверинцев. URL: http://es-dejavu.ru/n/Ne_smech.html (Дата обращения: 22.02.2019).
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Арбатский Д.И. О специфике семантического определения и его функциональных типах / Д.И. Арбатский // Вопросы языкознания, № 5 – 1973.С. 50-59.
4. Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации [Электронный ресурс] / В.Н. Базылев. URL: <http://terralinguistica.ru/cave/41287100563/41321004584.html> (Дата обращения: 05.12.2018).
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика: монография / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
6. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: автореф. дис. докт. филол. наук / Н.Н. Болдырев. – СПб.; Тамбов, 1995. – 35 с.
7. Бондаренко А.В. Языковая онтология смеховой культуры: дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Бондаренко. – Москва, 2009. – 346 с.
8. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко; Отв. ред. Б. А. Серебренников. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
9. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 132 с.
10. Борев Ю.Б. Комическое: монография / Ю.Б. Борев. – М.: Искусство, 1970. – 272 с.

11. Булгарова Б.А. Градуальная организация текстового семантического поля «Смех»: дис. ... канд. филол. наук / Б.А. Булгарова. – Москва, 2011. – 220 с.
12. Вардзелашвили Ж.А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях [Электронный ресурс] / Ж.А. Вардзелашвили. URL: <http://vjanetta.narod.ru/slav1.html> (Дата обращения: 10.03.2019).
13. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С.А. Васильев. – Киев: Наукова думка, 1988. - 238 с.
14. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т.2 / Б.М. Величковский. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 432 с.
15. Викулова В.В. Актантная модель как способ вербализации фрейма Смеховая ситуация (на материале глагольных дериватов лексики смеяться) / В.В. Викулова // Системное и асистемное в языке и речи: Материалы Международной научной конференции. – Иркутск: ИГУ, 2007. – С. 164-169.
16. Воробьева В.В., Кобенко, Ю.В., Рябова, Е.С. ЯВЛЕНИЕ ОНОМАТОПЕИ В АНГЛО – И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ [Электронный ресурс] / В.В. Воробьева, Ю.В. Кобенко, Е.С. Рябова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=8951> (дата обращения: 22.04.2019).
17. Гайнуллина Д.М. Смех как физиологическая, социальная и лингвистическая составляющая нашей жизни / Д.М. Гайнуллина // Вестник Челябинского государственного университета: Сб.; Общ. ред. О.Ю. Редькиной. – Челябинск, 2013. – С. 34-39.
18. Гайнуллина Д.М. Актантная модель фрейма смеховая ситуация применительно к основным теориям смеха (на примере английских

номинаций смеха) / Д.М. Гайнуллина // Казанская наука: Сб. – Казань, 2015. – С.127-130.

19. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. / В.Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977. С. 230-293.

20. Гак В.Г. О двух типах знаков в языке / В.Г. Гак // Материалы конференции «Язык как знаковая система особого рода». – М., 1967.

21. Гак В.Г. Языковые преобразования: монография / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

22. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Литература на иностранных языках, 1958. – 462 с.

23. Гладких Н.В. Катарсис смеха и плача [Электронный ресурс] / Н.В. Гладких. URL: <http://gladkeeh.boom.ru/Kharms/Catharsis.htm> (Дата обращения: 03.04.2019).

24. Григорьян Б.Т. Философская антропология [Электронный ресурс] / Б.Т. Григорьян. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/gelen/gelen_i1.htm (Дата обращения: 11.11.2018).

25. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст]: пер. с нем. / Э. Гуссерль. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.

26. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. – СПб: Питер, 2001. – 384 с.

27. Джендлин Ю. Фокусирование: Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями / Ю. Джендлин — М.: Независимая фирма «Класс», 1983. – 267 с.

28. Дмитриев А.В. Социология юмора [Электронный ресурс] / А.В. Дмитриев. URL: http://philosophy1.narod.ru/www/html/iphras/library/wlaugh.html#_ftn76 (Дата обращения: 09.03.2019).

29. Дмитриев А.В., Сычев, А.А. Смех: социофилософский анализ: монография / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: Альфа-М, 2005. – 592 с.

30. Тишина Е.В. Русская ономотопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: автореф. дис...канд.дилол.наук: 10.02.01 / Е. В. Тишина. – Волгоград, 2010. – 45 с.
31. Егорова В.Г. Когнитивно-дискурсивные особенности английских фразовых глаголов концептуальной области «умственная деятельность»: дис. ... канд. филол. наук / В.Г. Егорова. – М., 2013. – 200 с. 31.
32. Елисеева И.Б., Фомичева, Ж.Е. О языковых средствах создания комического эффекта в пародийном художественном тексте / И.Б. Елисеева, Ж.Е. Фомичева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – №1. – 2009. – С. 309-319.
33. Зенков Г.С., Сапожникова И.А. Введение в языкознание: научное пособие / Г.С. Зенков, И.А. Сапожникова. – Бишкек: ИИМОП КГНУ, 1998. – 218 с.
34. Карасев, Л.В. Философия смеха [Электронный ресурс] / Л.В. Карасев. – URL: <http://www.teologia.ru/www/biblioteka/esthetika/karasev.htm> (Дата обращения: 17.03.2019).
35. Карасева Е.В. Современные подходы к проблеме взаимодействия тела, разума и языка / Библиография. – 2007. – №6. – 4 с.
36. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 45 с.
37. Кобенко Ю.В., Воробьева В.В. Специфика изучения языковых ситуаций в историческом развитии немецкого литературного языка / Ю. В. Кобенко, В. В. Воробьева. – Томск: Грамота. – 2013. – 32 с.
38. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
39. Комарова Л.И. Общие фоновые знания автора и читателя как условие понимания текста // Вестник ТГУ, выпуск 2(82) / Л.И Комарова – 2007. – 67 с.

40. Кошелев А.Д. О природе комического и функции смеха: сборник статей / А.Д. Кошелев // Язык в движении. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 664 с.

41. Кравченко А.В. Знак, значение, знание (Очерк когнитивной философии языка) / А.В. Кравченко. – Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 2001. – 261 с.

42. Кузнецов Ю.А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: автореф.дис...канд.филол. наук / Ю.А. Кузнецов. – СПб, 2005. – 205 с.

43. Кузьменко Ю.К. Формирование протогерманского языка. Генетика и лингвистика: сборник статей / Ю.К. Кузьменко // Индоевропейское языкознание и классическая филология - XV (чтения памяти И.М. Тронского). – СПб, 2011. – С. 290-309.

44. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность): монография / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.

45. Лихачева Л.С., Фадеева, К.А. Смеховая культура как способ производства, трансляции и потребления смешного / Л.С. Лихачева, К.А. Фадеева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – № 4 (144). – 2015. – С. 135-144.

46. Лозовой А.Ю., Названова, И.А. К проблеме номинации. Особенности современной эргонимии / А.Ю. Лозовой, И.А. Названова // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – Вып. № 10. Раздел I. Проблемы филологии. – 2013. – С. 25-30.

47. Михалев А.Б. Семантические прототипы [Текст] / А.Б. Михалев // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах; под. ред. Г.Н. Манаенко. – Вып.3. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 32-39.

48. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: Вопросы теории [Электронный ресурс]: дис. ...докт. филол. наук / Е.Ю. Мягкова. URL:

<http://www.dissercat.com/content/emotsionalnochuvstvennyi-komponent-znacheniya-slova-voprosy-teorii> (Дата обращения 08.04.2019).

49. Панкова Л. Проблема поиска философских оснований происхождения смеховой культуры в обществе [Электронный ресурс] / Л. Панкова. URL: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa13/67-75.pdf> (Дата обращения: 03.04.2019).

50. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Человеческий фактор в языке: Язык и картина мира / Отв. ред.: Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69 (4,5 п.л.). ISBN 5-02-010880-4.
Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова: монография / И.А. Стернин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, типография издательства ВГУ, Уч.-изд. л. 9,5, 1979. – 122 с.

51. Потебня А.А. МЫСЛЬ И ЯЗЫК / А.А. Потебня Слово и миф. – М.: Правда, 1989. - С.200 – 203.

52. Ротова, М.С. Лексико-фразеологическое поле смеха и плача в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / М.С. Ротова. – Воронеж, 1984. – 146 с.

53. Самигуллина, А. С. В многомерном пространстве фразовых глаголов / А. С. Самигуллина // Вестник Башкирского университета. – 2006. – N 4. – С.99–101.

54. Степанов Ю.С. КОНСТАНТЫ: Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.

55. Сычев А.А. Смех как социокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.А. Сычев. – Саранск, 2004. – 35 с.

56. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды: коллективная монография / В.Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.

57. Тимошилова Т.М. Концептуально-этимологический анализ ономатопеичных глаголов говорения в английском языке / Т.М. Тимошилова,

О.Ю. Ромашина // Там же. - 2009. - Vol. 3. - P. 124-132 ; То же [Электронный ресурс]. -

URL: <http://open.slavica.org/index.php/als/article/viewFile/231/343> (02.04.19).

58. Уфимцева А.А. Лексическое значение / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

59. Attardo S. Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis / S. Attardo. – Berlin: Walter de Gruyter, 2001. – 238 p.

60. Attardo S. The semantic foundations of cognitive theories of humor / S. Attardo // Humor. International Journal of Humor Research. – Vol. 10(4). – 1997. – P. 395-420.

61. Gunther U. What's in a laugh. Humour, jokes and laughter in the conversational corpus of the BNC [Text]: PhD thesis / U. Gunther. – Freiburg, 2003. – 239 p.

62. B. Wild, F.A. Rodden, W. Grodd, W. Ruch. correlates of laughter and humour / B. Wild, F.A. Rodden, W. Grodd, W. Ruch // Brain. – Vol.126. – 2003. – P. 2121-2138.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – second edition. – Pub.: Cambridge University Press, 2005.
2. Collins English Dictionary. – 13th edition – Glasgow: HarperCollins, 2018. – 2336 p.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Pub.: Pearson, 2005. – 1620 p.
4. Merriam Webster's collegiate dictionary. – 10th ed. – Springfield, MA: Merriam-Webster, 1993 – 1540 p.
5. Oxford Advanced Learner' Dictionary of Current English // Oxford University Press. – 1995. – 1430 p.
6. Random House College Dictionary. – Revised edition – New York: Random House. – 1975 – 1568 p
7. The American Heritage Dictionary of the English Language. – Fifth edition. – Boston: Houghton Mifflin, 2011. – 1560 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Selden Edwards. The little book / S. Edwards. – NY: Brown Book Group, Nov 4 – 2009. – 416 p.
2. W. Somerset Maugham. The Magician / W. Somerset Maugham. – World Library: Literary Society – 280 p.